

ВЛИЯНИЕ Я. С. ЦИОНГЛИНСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИСКУССТВА А. А. РУБЦОВА

Работа представлена кафедрой зарубежного искусства Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Научный руководитель – доктор искусствоведения, профессор С. М. Даниэль

Статья посвящена влиянию Я. Ф. Ционглинского (1858–1913), профессора Академии художеств и одного из первых русских импрессионистов, на мировоззрение, формирование творческой индивидуальности и искусство его ученика А. А. Рубцова (1884–1949), с 1914 г. работавшего в Тунисе, пейзажиста, ориенталиста и портретиста, ставшего одной из самых значительных фигур тунисской культуры эпохи французского протектората.

The article deals with the influence of the professor of the Academy of Fine Arts and one of the first Russian impressionists Jan Ciaglinski (1858–1913) on the world view, forming of the artistic individuality and the art of his follower Alexandre Roubtzoff (1884–1949), who worked in Tunisia since 1914, known as landscape painter, orientalist, portraitist and one of the most important figures of the Tunisian culture of the epoch the French protectorate.

Уроженец Петербурга художник Александр Рубцов (1884–1949) в 1914 г. обосновался в Тунисе, где обрел источник вдохновения и вскоре полностью ассимилировался в местной франкоязычной среде, получив французское гражданство в 1924 г. и став одной из ключевых фигур тунисской культуры 1920–1940-х гг. Он считается одним из самых ярких представителей живо-

писи французского ориентализма первой половины XX столетия.

В Тунисе, бывшем при его жизни далекой арабской провинцией Франции, Рубцов был одним из немногих представителей истинно столичной культуры, что определило его вхождение в круги местной художественной элиты. Формирование творческой индивидуальности Рубцова

происходило в ходе многолетнего общения с Яном Францевичем Ционглинским. Художник польского происхождения, Ционглинский был не только знаменитым педагогом (преподававшим в Академии художеств, Школе Общества поощрения художеств и собственной частной студии), но и одним из первых из первых русских импрессионистов¹.

Ционглинский, близкий друг родственницы и крестной матери Рубцова, художницы Екатерины Карловны Вахтер, принимал большое участие в воспитании Александра. «Именно он был моим гидом по жизни и искусству», – отмечал Рубцов в своем «Дневнике»². Вместе с Вахтер и Ционглинским юный Рубцов путешествовал по России и Европе. Впервые будущий художник-ориенталист ощутил очарование Востока еще в 16-летнем возрасте, когда он вместе со своими наставниками провел месяц в Крыму. Вероятно, именно Ционглинскому Рубцов обязан выбором творческой профессии и серьезной технической подготовкой, определившей его блестящие результаты при поступлении в Академию художеств (Рубцов оказался первым в списке зачисленных в 1904 г.). В первые академические годы будущий художник занимался под руководством того же Ционглинского. Соученики по Академии даже считали Рубцова его сыном³.

Любовь Рубцова к музыке, возможно, также связана с влиянием Ционглинского, который очень любил и тонко чувствовал музыку. Он включал музыку и в педагогический процесс, играя на занятиях в своей частной студии Шопена или Листа, так как считал, что музыка способствует восприятию самых тонких оттенков цвета⁴. Ряд пассажей его «Заветов» посвящен музыке. На русские годы Рубцова приходится пик популярности музыки Вагнера в России. «Любитель Вагнера, он не менее тридцати раз слушал Тангейзера и больше пятнадцати – другие оперы Тетралогии, так же как “Тристана и Изольду”, “Нюрнбергских мейстерзингеров”, “Парсифаля”...»⁵. Увлечение

Рубцова Вагнером, было, очевидно, предопределено дружбой Ционглинского с певцом И. В. Ершовым, знаменитым исполнителем партий в операх Вагнера⁶.

В студенческие годы Рубцов проводил большую часть свободного от академических занятий времени в имении князей Голицыных «Марьино», где находилась большая художественная коллекция. Марьино было расположено в 75 км от Петербурга, по соседству с дачей родных Рубцова, находившейся около железнодорожной станции Ушаки. Вероятно, дружеские отношения с владельцами Марьино также были унаследованы Рубцовым от учителя, работавшего в Марьино с 1885 по 1910 г. и написавшего там множество этюдов. Большинство академических картин Рубцова было написано там и изображает интерьеры имения, в том числе и его дипломное полотно «Интерьер стиля ампир» (1912), за которое он был награжден четырехлетней пенсионерской поездкой за границу.

Во время первого года этой поездки Рубцов прожил более трех месяцев в Гранаде, подробно изучая Альгамбру. Восхищение этим архитектурным памятником передано Рубцову от Ционглинского. На официальной открытке с извещением о получении очередной части пенсионерского содержания, отправленной в Академию из Гранады и датированной 24 мая 1913 г., Рубцов пишет: «Пользуясь случаем, посылаю кусочек любимой Яном Францевичем Альгамбры»⁷. Преданность Ционглинскому, привязанность к нему и их общая любовь к Испании повлияли и на следующее путешествие Рубцова в эту страну, состоявшееся в конце 1914 г., уже после знакомства с Тунисом. Он едет по тем же местам, что и Ционглинский в 1899 г., и пишет те же сюжеты.

В конце 1913 г. Рубцов возвращается в Петербург для организации посмертной выставки Ционглинского, умершего в январе 1913 г., и публикации книги высказываний учителя об искусстве. Книга «Заветы Ционглинского», изданная Рубцовым,

состояла из 200 афоризмов⁸. В предуведомлении к ней указано: «Здесь собраны мысли и взгляды, высказанные Яном Францевичем Ционглинским, в его ученической мастерской, в период с 1905 по 1910 г. и дословно записанные его учеником Рубцовым»⁹. Мировоззренческие принципы учителя, проповедуемый им культ искусства и красоты, требование безраздельной самоотдачи творчеству стали для молодого художника даже не столько профессиональными, сколько нравственными ориентирами¹⁰, которым Рубцов не изменил за 35 лет жизни в Африке. Ционглинский внушал своим ученикам не только заповеди фанатичного служения искусству, бескорыстия и неустанных творческих поисков. Наряду с этими общими профессиональными установками Ционглинский давал ученикам и основы импрессионистического подхода к живописи. Трудно представить, в какой мере художественные установки Ционглинского разделялись молодым Рубцовым. Но, безусловно, они, как и жизненные принципы учителя, глубоко запечатлелись в его сознании. И в его последующем творчестве ощущалось влияние идей, нашедших отражение в «Заветах». «Нет выше идеи, как свет», – утверждал Ционглинский¹¹. Этот афоризм, возможно связанный не только с представлениями об импрессионизме, но и с религиозной идеей божественного света, нашел отклик в последующем творчестве Рубцова, всю жизнь стремившегося передавать нюансы средиземноморского освещения в своих пейзажах и заслужившего эпи-

тет «художник света» у французских исследователей его искусства.

Разумеется, влияние Ционглинского на Рубцова не исчерпывается профессиональным определением, академической выучкой, любовью к французской живописи и постулатами «Заветов». Рубцову передалась от учителя и страсть к путешествиям, в том числе в экзотические страны. Кроме Франции и Центральной Европы Ционглинский бывал в Италии, Испании, Палестине, Египте, Греции, Турции. Ционглинский в 1909 г. был в тунисской части Сахары и в 1911 г. в Тунисе. Возможно, выбор Туниса как основной страны пенсионерского пребывания также произошел не без влияния Ционглинского. «Родившийся среди туманов Санкт-Петербурга, громадного города, с особенно ненавистным климатом, я, очевидно, был сильно впечатлен солнечными зрелищами, привезенными моим учителем и другом детства из его путешествий», – рассказывает Рубцов в своем «Дневнике»¹². Вероятно, и фрагментарный, этюдный характер многих произведений Рубцова, его любовь к портретному, пейзажному и архитектурно-пейзажному жанрам также в какой-то степени унаследованы от учителя.

Хотя Рубцов избрал позицию сознательного эклектизма, свободно оперирования художественными манерами и никогда не придерживался исключительно импрессионизма, уроки и личный пример Ционглинского оказали серьезное воздействие на формирование его творческой индивидуальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Французский исследователь творчества Рубцова Дюбрек характеризует Ционглинского следующим образом: «Великий путешественник, посещавший в Париже мастерскую Бенжамена Константа, Ционглинский работал в стиле, близком к импрессионистической школе» (*Dubreucq P. Alexandre Roubtzoff: Une vie en Tunisie. Paris, 1996. P. 10*).

Ционглинский производил на современников противоречивое впечатление. «Весьма привлекательный как внешний тип художника, он в своих произведениях не оправдывал этой внешности. Общепризнанный блестящий преподаватель, в собственных работах он не давал образцов строгого мастерства. Для современных поколений, среди своих выдающихся сотоварищей по выставкам, он не казался даже подходящим к их общему уровню и характеру. А между тем, в свое время, во 2-й половине 80-х гг., в Академии и после ее окончания, Ционглинский, несомненно, был совсем пере-

довым художником, не лишенным блеска; так привлекательна казалась его живопись по широкой импрессионистической манере, известному вкусу, столь выделявшими его среди тогдашних академиков и передвижников. Естественно поэтому, что и потом, с возникновением “Мира Искусства”, в числе других талантливых, оригинальных и передовых художников, и он примкнул к тогдашним новаторам. Горячий энтузиаст искусства, действительно красиво говоривший о нем, так до конца и остался подающим надежды художником, автором портретов и архитектурно-пейзажных этюдов. Первые далеко не совершенны, хотя и не лишены известной приятной манеры, а вторые, ежегодно в изобилии привозившиеся из разных экзотических стран, сравнительно живописны, но бледны по сравнению с подлинно новыми работами последних десятилетий. Как будто судьба, богато одарив натуру художника, что-то недоделала в характере его *творчества*», – писал о нем один из критиков (Ростиславов А. *Ционглинский // Аполлон. 1913. № 1. С. 57*).

² *Dubreucq P.* Op. cit. P. 10.

³ Соученик Рубцова по Академии художеств П. Д. Бучкин также вспоминает, что в академической мастерской Ционглинский постоянно хвалил Рубцова: «Ян Францевич, порывистый, с шумом входил в мастерскую, и тотчас же раздавался его неистово громкий голос: “Саша, у тебя хорошо!”. Саша – его сын...» (*Бучкин П. Д.* О том, что в памяти. Записки художника. Л., 1963. С. 49). Еще одно свидетельство подобного восприятия Рубцова окружением находим в мемуарах А. Рылова: «После путешествия он [Ян Ционглинский] обыкновенно собирал у себя друзей и показывал свои тропические этюды. На Литейном проспекте в мастерской перед софитом на мольберте вставлялся в раму этюд. Это делал его сын Саша Рубцов. Гости сидели в темноте, а хозяин давал пояснения...» (*Рылов А.* Воспоминания. М.: Искусство, 1954. С. 146).

⁴ *Крыжицкий Г. К.* Судьба художника. Воспоминания о К. Я. Крыжицком. Киев 1966. С. 38.

⁵ *Dubreucq P.* Op. cit. P. 14.

⁶ Любопытное подтверждение музыкальных интересов Рубцова и Ционглинского можно найти в каталоге проходившей в 2004 г. в ГРМ выставки «Волдемарс Матвейс в Петербурге». Помимо воспоминаний этого польского ученика Ционглинского в каталоге приводятся несколько фотографий Карла Буллы из коллекции Национального музея в Варшаве. На одной из них изображены певец И. В. Ершов, Ционглинский и Рубцов. Фотография имеет следующую подпись: «Художник Ян Ционглинский у рояля. Рядом Ершов и Рубинов. 1910-е гг.». К сожалению, польский автор каталога не идентифицировала мифического Рубинова с реально существовавшим Рубцовым (Волдемарс Матвейс (Владимир Марков) в Петербурге. Из собрания Государственного Художественного музея Латвии в сотрудничестве с ГРМ и при участии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: Каталог выставки / Сост. и авт. ст. Ирена Бужинска. СПб., 2004. С. 77.

⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 13. 1904. Д. 127.

⁸ *Рубцов А. А.* Заветы Ционглинского. СПб., 1913.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Прочитируем ряд подобных афоризмов. «Красота дается только фанатикам». «Только неудовлетворенность показывает, что вы художник. Благополучие не есть никакое искусство; только дилетантизм», «Если хотите никогда не спать, если хотите никогда не есть, – будьте художником», «...всякая любовь в искусстве помогает, кроме любви к деньгам, потому что эта любовь безусловно искусство разъедает. Деньги только тем хороши, что их можно прожить» (*Рубцов А. А.* Указ. соч. С. 9, 10, 41).

¹¹ *Рубцов А. А.* Указ. соч. С. 10.

¹² *Dubreucq P.* Op. cit. P. 10.